

— Куда ты собрался? — сердито посмотрел на него дедушка, не обращая внимания на присутствие посторонних. — Сиди дома, в такой праздник нечего шастать. У меня все в порядке, просто помогу с подсчетами, скоро вернусь.

— Тебе тоже не стоит идти, — вмешался Чэн Лан. — Я могу помочь. Оставайся дома, хорошо прими Мааньтоу. Мы только что вернулись после фейерверков, а твой скакун разрядился, не забудь его зарядить.

Толкая дедушку обратно в дом, он подмигнул Цзян Дуну, который, колеблясь, с трудом сдержал слова «Я пойду с тобой» и покорно последовал за стариком внутрь.

Устроив ворчащего дедушку, он вышел и остановился у ворот, увидев удаляющиеся фигуры Чэн Лана и деревенского старосты. Чэн Лан все еще был в том же пальто, на котором остались следы его слез, его высокая и худая фигура удалялась, а маленький хвостик на затылке был придавлен шарфом. Ветерок шевелил его волосы, которые не могли свободно свисать, а лишь слегка приподнимались по бокам, пока он говорил, поворачивая голову.

Расстояние было немалое, но он видел все четко, будто образ Чэн Лана всегда должен был быть таким.

В такой обстановке Цзян Дун подумал, что если бы был снег, этот человек выглядел бы как величественный ангел, нежный и смиренный.

На следующий день, словно в ответ на его желание, пошел снег.

Ранним утром, в пять часов, раздались хлопки петард. Цзян Дун, который не спал всю ночь, сел на кровати, услышав шорохи в гостиной. Он предположил, что это бабушка и дедушка начали готовить пельмени.

Он взглянул на мобильный телефон, лежащий рядом с подушкой. Чэн Лан не прислал ему сообщений.

Яркий свет экрана осветил темные круги под его глазами. Глаза были сухими, красные прожилки расходились от черных зрачков. Как только он включил телефон, свет экрана вызвал резкую головную боль.

Во рту было сухо, он привычно откашлялся, но почувствовал боль в горле. Только когда зубная щетка коснулась десен, он понял, что, вероятно, у него началось воспаление.

Именно в этот момент вернулся Чэн Лан.

Цзян Дун, одетый в длинные брюки и рубашку, заметил чью-то тень краем глаза, услышал легкие шаги и замер, присев у раковины. Затем резко обернулся.

Снег начался поздно ночью, но выпало всего несколько снежинок, и к четырем утра он прекратился. Сегодня снег стал фоном, на котором Чэн Лан выглядел особенно холодным и величественным, словно он был далеко.

Он выглядел так же, как и перед уходом, только лицо было бледнее, а между бровей появилась усталость. Под глазами тоже были темные круги.

Увидев это, Цзян Дуна охватила грусть.

— Бабушка, Чэн Лан вернулся!

Чтобы скрыть свои чувства, он крикнул в дом и, наклонившись, сделал большой глоток воды. Вода была ледяной, и он вздрогнул.

— Ой, Сяо Лан вернулся!

Бабушка быстро выбежала из дома, подбежала к Чэн Лану и, потрогав его лицо, забеспокоилась:

— Какой холодный! Ты не был в доме? Заходи скорее, не замерз ли? Голодный? Хочешь поесть или сначала поспать?

— Ну, — прищурившись, Чэн Лан отвел ее руку. — Не так уж все страшно. Давайте сначала пельмени, я умираю от голода.

Бабушка, не говоря ни слова, вернулась в дом готовить пельмени.

Во дворе остался только Цзян Дун, сидящий у раковины с зубной щеткой в одной руке и стаканом в другой, пристально смотрящий на Чэн Лана.

Чэн Лан, заметив его темные круги под глазами и пену у рта, не сдержался и рассмеялся, направляясь в дом:

— Вчера плохо спал, наш национальный сокровище?

Цзян Дун слегка улыбнулся:

— Ничего, просто кровать большая, можно было кататься. А ты спал?

— Чуть-чуть, минут сорок. В том доме было много людей, всю ночь играли в карты, пили и курили без остановки. Не буду скрывать, сейчас я настолько устал, что могу заснуть прямо на

полу. Съем пельмени и пойду спать, только не говори бабушке, а то она начнет волноваться.

— Ладно, спи спокойно. Если что, я разбужу.

Цзян Дун кивнул, умылся холодной водой и последовал за Чэн Ланом в дом.

Но Чэн Лан сказал:

— Нет, разбуди меня в час, мне еще нужно будет сходить.

В деревне в канун Нового года кто-то умер, и это было нехорошо. По обычаю, похороны нужно было провести как можно скорее, чтобы завершить все дела и проводить родственников, чтобы это не омрачало праздничную атмосферу.

— Ты еще пойдешь? — нахмурился Цзян Дун. — Там столько людей помогают, разве не хватает рук?

— Хватает, просто скучно. Я сижу за столом и записываю, кто сколько дал денег, и пишу некролог. Если я не пойду, дедушке придется это делать. Он уже старый, пусть отдохнет, пока я здесь.

Цзян Дун усмехнулся:

— Знаешь, как ты сейчас выглядишь в моих глазах?

— Как?

— Как Будда, сияющий Будда.

— Нельзя подобрать другое слово?

— Ну, а как ты сам бы описал?

Чэн Лан серьезно посмотрел на него, затем выпрямился и раскинул руки, как птица, махнув ими пару раз. Несмотря на усталость и едва открытые глаза, он продолжал шутить:

— Похож на ангела, с шестью крыльями и нимбом вокруг головы?

— Ну уж нет, — не моргнув глазом, ответил Цзян Дун. — Ты скорее на небеса собираешься. Давай быстрее ешь и спи.

Когда горячие пельмени поставили на стол, Цзян Дун посмотрел на аккуратные маленькие пельмени, затем на уксус в своей миске, и внезапно аппетит пропал.

Пельмени вдруг перестали быть вкусными.

Он посмотрел на Чэн Лана, подсчитал и понял, что тот съел всего три пельменя и отложил палочки.

Просто сделал вид, что ест.

Бабуля и дедушка, видя, что он устал, ничего не сказали, и как только он отложил палочки, сразу же отправили его спать. Чэн Лан встал и, шатаясь, направился в спальню.

Цзян Дун наблюдал, как его фигура исчезает, затем вернулся к пельменям и положил один в рот. Половина пельменя, которую он не доел, пролежала в уксусе слишком долго, и теперь была такой же кислой и горькой, как его глаза, которые всю ночь не смыкались.

Он никогда раньше так не мучил свое тело.

У нашего отличника строгий режим дня.

Чтобы бабушка и дедушка не расстроились, увидев, что он не доел, Цзян Дун начал быстро проглатывать пельмени один за другим, пока не перестал чувствовать их вкус. К счастью, бабушка вовремя остановила его и налила ему бульон.

Цзян Дун выпил горячий бульон и, поставив миску на стол, заметил на поверхности масляные пятна. Его взгляд задержался на одном из них, в котором плавал кусочек капусты.

Он задумался и понял, что пельмени были с начинкой из свинины и капусты.

Вкусно, но чего-то не хватало, вкуса.

Заметив его рассеянность, бабушка постучала палочками по столу и спросила с заботой:

— Маленькая звезда, наелся? Устал? Почему такой вялый?

Цзян Дун сразу ответил:

— Нет, просто переел.

— Переел?

Дедушка поднял голову и тут же встал:

— У нас есть таблетки для пищеварения, дать тебе пару? У меня тоже проблемы с желудком.

— У тебя проблемы с желудком, а маленькая звезда еще молодая, зачем ему таблетки. Дитя, встань, пройдишь немного, и все пройдет. Не обращай на нас внимания. Ты, садись спокойно и доедай!

Дедушка сел.

Цзян Дун кивнул, отодвинул стул и встал, чтобы пройтись.

Гостиная в старом доме была небольшой, и, прогуливаясь, он незаметно оказался в спальне.

В щель под дверью было темно. Он долго держал руку на ручке, затем глубоко вздохнул и осторожно открыл дверь.

В комнате было темно. Занавески, которые он открыл утром, были снова задернуты Чэн Ланом, и свет с улицы не проникал внутрь, делая пространство еще более замкнутым.

<http://bllate.org/book/15499/1374906>